

Колонна вышла из Моздока рано утром, когда заря только окрасила небо багряными красками. Когда остался позади последний осетинский блокпост и машины въехали на чеченскую землю, в небе возникла вертушка. Она бороздила облака, то улетаая вперёд, то появляясь откуда-то сбоку. С ней было спокойнее. Но, несмотря на прикрытие сверху, бойцы, сидящие в кузовах автомобилей и на броне бэтээров, ощетинились в разные стороны стволами автоматов.

Отары овец паслись на невспаханных полях, иногда лениво поглядывая на растянувшуюся на несколько километров по дороге и пылящую почём зря гусеницу. Когда подъехали к перевалу, колонна остановилась.

Командир отряда полковник Макеев, немногословный русоволосый великан, выпрыгнул из кузова. Он внимательно осмотрел окрестности. Впереди притаилось узкое ущелье, справа от которого ниспадал небольшой водопад с пенящимся каскадом. Две горы, поросшие седыми мхами, возвышались по обеим сторонам, как старухи. Макеев кивнул взводному Карташову.

– Валер, назначь в пеший дозор семь человек, пусть прочешут вон ту высоту и ущелье, – он показал Карташову пальцем, – как только взвод перейдёт на ту сторону ущелья, доложат по радиии, что путь свободен. Вертушка их сверху прикроет, если что, – и он отвернулся, с тем чтобы достать носимую радиостанцию и связаться с летунами.

Небольшое село Кара-Юрт прилепилось к горному хребту. Несколько десятков домов, две длинных улицы и бахча. Вот и всё село.

– Константин Иваныч, – командир отряда, который сменяла команда Макеева, разливал по алюминиевым кружкам горячий крепкий чай, – ничего особенно примечательного в округе нет. Я так понимаю, отряды здесь выставлены лишь для того, чтобы перекрывать горную тропу. По этой артерии караванами доставляют на Кавказ оружие, наркотики

и деньги для осуществления терактов. Жить будете в палатках, мы их вам оставляем. Пищу придётся готовить самим. Кухня походная тоже есть. Посты выставлены по периметру села, два выносных. Секреты и засады будете выставлять по мере надобности. С электричеством у нас перебоев не было.

– А как местное население? – Makeев прихлёбывал пахучий чай вприкуску с кусочком прессованного сахара.

– Местное население вроде бы ничего. С понятием, – майор улыбнулся, – взаимоотношения довольно терпимые, только если твои бойцы косячить не будут. Спиртным здесь не торгуют, да и не принято это у них. С главой администрации сами познакомитесь. Неплохой джигит. Хлеб пекут две женщины: мать и дочь. Цены не загибают. Дочь – красавица, но кадрить её не советую, ваххабитская вдова. Ну вот вроде бы и всё.

– Ну, тогда счастливого пути, майор, – Makeев крепко пожал коллеге руку.

– Да, совсем забыл, Иваныч, – и майор понизил голос, – завёлся у нас тут недавно диверсант.

– В смысле?

– Ну, гадит нам кто-то и по-мелкому, и по-крупному.

– Из местных?

– Я думаю, что да. Больше некому. Места знает хорошо. То растяжку поставит на тропе, то наши переставит. Подстрелил часового неделю назад, ранение пустяковое, но всё-таки. И везде оставляет волчьи следы, иногда клочок шерсти. А в прошлом месяце подорвал машину из комендатуры: один двухсотый, так повесил на ветку волчий зуб, заметили, конечно, не сразу – на чёрной нитке висел.

– «Чёрная кошка»?

– Да я так думаю, что он об этой кошке и слыхом не слыхивал. А, и записку нам подбросили как-то. На, гляди.

Makeев развернул смятый листок, который ему протянул майор. На тетрадном листке в клеточку было нацарапано: «Руски ухады, а то тебе месьт Кара Борз».

– Ого, и как понимать это? – Makeев смотрел на майора сверху вниз.

– Ну, место называется Кара-Юрт. Что означает «чёрная юрта».

– С этим можно поспорить: Юрт переводится с тюркского и как «пастбище», и как «место, жилище», и даже как «родина».

– Вот видишь, Иваныч, ты сам мне лекцию об этом прочитать можешь. А «кара борз» – это чёрный волк. Волк вообще у них священное животное.

– Понятно, – Makeев задумчиво поглаживал подбородок.

– Бывай, товарищ полковник. А с «волком» этим поосторожнее, береги ребят. Думаю, недельку по горам порыскаете и найдёте этого Борза. Слишком уж он и вправду оборзел, – и майор сам рассмеялся своей шутке.

Первый звоночек прозвенел ровно через неделю. Старшина первого оперативного взвода рано утром подорвался на противопехотной мине. Парня сильно посекло осколками, и его сразу же отправили в госпиталь «Северный» вертушкой.

Makeев срочно собрал офицеров в штабной палатке.

– Кто стоял ночью на первом посту? – Makeев внимательно разглядывал командиров двух взводов.

– Сержант Разов, товарищ полковник, – командир первого взвода лейтенант Дроздов не поднимал глаза на командира, как будто он и был виноват в случившемся.

– Давай его сюда, Дроздов!

Лейтенант молча поднялся, и вышел из палатки, махнув брезентовой полкой.

– Какие мысли у других будут? – Командир достал из кармана пачку сигарет и, чиркнув зажигалкой, закурил.

– Старшина за водой пошёл, – на полковника поднял взгляд капитан Старков, – колодец в пятидесяти метрах от расположения отряда...

– Это нам известно, – Макеев перебил капитана, – короче, Склифосовский...

– А тропа только одна, – невозмутимо продолжал Старков, – примерно в тридцати метрах от ПВД, прямо на тропе стояла «монка», сработала на движение. Причём поставили её сегодня ночью – в этом никакого сомнения нет. Вокруг крупные волчьи следы.

– Волчьи? – вступил в разговор врач отряда Корнев. – А почему ты так думаешь? Может, собачьи?

– Волчьи, Владимир Андреевич, – продолжал Старков и поднял глаза на доктора, – я их с другими не перепутаю. Дядька у меня в лесничестве работал. Порою лес обходили с ним по несколько десятков километров. И причём как будто вожак кружил, они так дичь загоняют. Волчьи, это точно.

Разговор прервался, потому что в палатку, подталкиваемый сзади взводным, кряхтя, заходил крепкий черноволосый сержант. Он ошалело огляделся по сторонам, зайдя со света в полумрак. Затем нашёл глазами командира и встал по стойке «смирно».

– Разов, доложи-ка, мил друг, как службу ночью нёс? – Макеев пристально разглядывал сержанта.

– Да вроде бы всё как всегда, товарищ полковник, – засопел сержант.

– Ты давай не темни, – подал сзади голос взводный, успевший по дороге расспросить часового, – рассказывай, как мне говорил.

– Да под утро заморочило меня слегка, – неуверенно продолжал Разов.

– Заморочило? Это как же? Закемарил? – Макеев стряхнул пепел с сигареты.

– Может, и закемарил, командир. Но только показалось мне, что на тропе, что к колодцу ведёт, ну, на той самой, призрак появился.

– При-израк? – протянул Старков.

– Призрак, – в голосе сержанта появилась уверенность, и он перевёл взгляд на капитана, – белый силуэт, как человек вроде, призрак – кто же ещё? Мелькнул и пропал. Я совсем уж было собрался дежурному по радиации доложить, да подумал – померещилось. Луна спряталась как раз – я и думаю, ветки от платанов в тень попали. И захороводили. И главное – ни звука, ни шороха. Только тени от платана на том месте. Знать бы, что так вот случится.

– Эх, Разов, Разов, – Макеев поморщился, – если бы доложил по команде, как положено, не улетел бы твой боевой товарищ в госпиталь.

– Да я и сам понимаю, товарищ полковник, – Разов сморщился и заморгал глазами. – Подумал, померещилось, да и стыдно признаться – побоялся: на смех меня ребята поднимут...

– Да какой уж тут смех, тут плакать надо. Иди, сержант, неси службу, – Макеев бросил окурок на земляной пол, придавив каблуком армейского берца.

Когда Разов вышел из палатки Макеев, быстро и в деталях передал офицерам рассказ командира предыдущего отряда про Чёрного Волка и даже записку показал. После чего в палатке повисла тяжёлая пауза.

– Может, и в правду показалось сержанту? – доктор нарушил молчание.

– А мина? – поднял на него взгляд командир второго взвода Карташов.

– Да стояла она тут, может, не одну неделю, а старшина наш только сегодня на неё наткнулся.

Старков, молча, рисовал прутиком на земле узоры, потом бросил ветку через левое плечо и повернулся к врачу.

– Исключено, Владимир Андреевич, мы с сапёрами каждую пядь вокруг просмотрели. «Монку» сегодня ночью поставили.

– Разову простительно, док, он в первый раз на Кавказ приехал, – Макеев тоже смотрел на врача, от чего тот поёжился, – а тебе, стреляному воробью, стыдно в призраков верить. Завтра у нас по горам да ущельям белые кони в кроссовках поскачут. Это, Владимир Андрееч, тот самый Чёрный Волк, который нам мстит.

– Неуловимый Джо, – ослабилея Карташов и зло сплюнул под ноги.

– Так тот никому не нужен был, Валера. А этот нам нужен. Ой, как нужен. Это он только начал, вкус крови почувствовал, – продолжал Макеев. – Значится, так – командиры взводов будут у нас заниматься службой. Ты – док, своими вопросами. А к тебе, Саша, – Макеев посмотрел на Старкова, – у меня будет особое задание. Даю тебе две недели, чтобы извести этого призрака. Об этом будем знать только мы пятеро. Попрошу товарищей офицеров об этом никому ни гу-гу. А то вся операция потеряет смысл. Что и как, это мы все вместе прикинем. Докладывать о результатах будешь лично мне, каждый вечер. Понятно?

– Есть, – просто сказал Старков.

– Вот и ладно. На хитрую задницу найдётся прибор с винтом. Достанем мы этого Кара Борза.

Весь день Саня Старков ходил как потерянный. Он что-то шептал, шевеля губами, размахивал руками, чертил пальцем в воздухе знаки, а иногда, резко развернувшись, шёл в другую сторону.

К вечеру он решительно заходил в командирскую палатку.

– Я вот что думаю, Иваныч, если это кто-то из местных, то их от меня отвлечь надо. Чтоб думали, что я казачок посланный. Может быть, найти ребят, недовольных порядком сегодняшним? То да сё – поговорить с ними, что хотел бы в горы уйти, стать настоящим джигитом...

– Не получится, – Макеев снова достал из кармана пачку сигарет и принялся щелчком выбивать одну из них, – времени у нас мало. Горцы народ осторожный. Это тебе тут пару годков пожить надо.

– А что если, – вступил в разговор Корнев, – сделать из нашего Сани пьяницу горького?

И Макеев, и Старков выпучили на доктора глаза и даже не сообразили сперва, о чём это он. Первым в себя, как ему и полагается, пришёл командир.

– Вот это ты, Андрееч, выдал! Не пойму, я про что ты?

– А вот про что, – и Корнев хитро сощурился, – ты же говорил – местные не пьют, спиртного я имею в виду. Так?

– Ну так, и чего?

– А если наш офицер постоянно будет пьяным – на улице, в кафе сельском и везде, короче. Они по-любому к нему будут относиться

попервости враждебно, а потом рукой махнут. Мол, никчёмный челове-
чишко, и бдительность потеряют.

– И чего мне каждый день горькую пить? – вступил в разговор капи-
тан, – так сопьёшься раньше времени.

– Не обязательно, – повернулся к нему доктор, – ты что, пьяного
изобразить не сможешь? Не валяться на улице, конечно, а так – вести
себя не вполне адекватно.

– Так-так, понимаю, – теперь уже заулыбался Макеев, – но я же
говорил, горцы народ внимательный и очень осторожный. Могут не
поверить...

– Поверят, – хлопнул себя ладошкой по ляжке Корнев, – я тебе, Саня,
такие капли дам – зрачок будет как у совы – во весь глаз, а под губу
нижнюю ватку будешь класть, спиртом смоченную, разить от тебя си-
вухой будет за три километра. И вот в таком виде садишься ты в чай-
хану, в руках у тебя фляжка, ну – или бутылёк за пазухой, ты знай – из
неё прихлёбывай да отключайся время от времени. Через эту чайхану,
почитай, все местные мужики проходят. Может, что и услышишь, мо-
жет, чего и увидишь...

– Есть одно но, Андреич, – усмехнулся Старков, – языками не
владею...

– А вот тут ты неправ, – в свою очередь перебил его командир, –
здесь с десяток национальностей живёт. Родные языки порою не похо-
жи один на другой в корне. Язык общения для них – русский, а это нас
полностью устаивает.

– Ладно, – Старков разминал ноги от неудобной позы, в которой так
и застыл с самого начала разговора, – раз совет в Филях постановил,
значит, превращусь в никчёмного и потерянного для общества челове-
ка. Только как бы кто из своих не прибил.

– Об этом не беспокойся. По ночам будешь выходить в свободный
поиск. Обо всём будешь докладывать по окончании каждой засады,
Саша. Примечай всё, даже самые, как тебе кажется, мелочи. Одна го-
лова хорошо, а две или даже больше, – тут он одобрительно посмотрел
на Корнева, – лучше. Будешь брать с собой только самое необходимое:
фонарик, карту, рацию носимую, два боекомплекта, да чего я тебя учу –
не первый год замужем.

– Понял, командир, – Старков, скинув с себя сомнения, мучившие его
весь день, потихоньку наполняясь азартом, как собака перед охотой. –
Всё необходимое возьму. Только рация не нужна, может заскрипеть в
самый неподходящий момент, если услышите звуки боя – подскочите
меня прикрыть. Волк этот поблизости всегда, вот и я буду пасти его. По-
стараясь быть либо на шаг впереди, либо за его спиной. И боекомплект
один. Хватит. Брать буду только калибр 5,45, несколько «эфок» и один
рожок с трассерами. Если возьмут меня в клещи, вдруг этот перец не
один работает, трассерами покажу направление при вашем подходе, –
и Старков вопросительно посмотрел на Макеева.

– Согласен. Добро, – на секунду задумавшись, сказал тот.

Солнце потихоньку пряталось за горы. Их вершины, покрытые
снежными шапками, сыпали вниз снежную крупу, которая превраща-
лась в лёгкую дымку, достигая предгорий.

Из села потянуло запахом сторевавшего кизяка. Саня тенью промельк-
нул мимо караулов, выставленных по периметру военного лагеря, и,
сторонясь дороги, свернул в частые посадки из невысоких деревьев.

«Сначала обойду кишлак, посмотрю, кто и чем дышит. А потом прочешу близлежащую местность», – сказал он себе и сразу испугался. Ему показалось, что сказал это вслух. Но вокруг царил тишина и умиротворение, природа засыпала на время прохладной южной ночи, лишь со стороны села слышались звуки, характерные для мест, где живут люди: мычание коров, кудахтанье куриц, плач ребёнка.

Эти звуки настраивали на спокойный лад – будто и нет никакой войны. Но Саша, сбросив оцепенение, сконцентрировался на задании.

Прокравшись вдоль деревьев, прилегающих к окраине Кара-Юрта он занял удобную наблюдательную позицию. Прележав минут двадцать, он поднялся повыше и, найдя на горе небольшую площадку, подстелив под себя коврик снайпера, достал ночник и принялся внимательно осматривать село.

Схему села нарисовал ему прапорщик Колесниченко. Серёга Колесниченко был давнишним приятелем Сани. На плечах Серёги лежали очень непростые и нужные в командировке обязанности – кормить личный состав подразделения. И справлялся с этими поручениями прапорщик мастерски. В какое бы место и в какое время года ни приехал отряд – Серёга на второй день обзаводился нужными знакомствами, так как от природы был весёлым и контактным парнем. Вот и здесь, в Кара-Юрте, через неделю все местные жители уже приветливо здоровались с ним.

За первый час ничего примечательного Саня не заметил, после двух часов ночи, когда село полностью уснуло и луна стала прятаться за перистыми облаками, подмигивая бойцу то левым, то правым глазом, он услышал, как стукнула калитка.

Из дома вышел человек, он огляделся по сторонам и уверенно зашагал по дороге в сторону зелёнки.

Саня быстренько скатал коврик, прицепил к ремню, взял автомат на ремень и, крадучись, последовал за неизвестным.

Человек нёс в руках вещмешок, шёл уверенно и даже непринуждённо, по сторонам не смотрел и наверняка знал, куда направлялся.

Саня бесшумно крался вдоль обочины дороги – то пригибаясь к земле, то передвигаясь короткими перебежками.

Дорога поюлила по перелескам и начала карабкаться в гору. Здесь пришлось поубавить темп, так быстро перемещаться уже не получалось: мешали камни, на которые время от времени натыкались армейские берцы.

Человек бодрой походкой продолжал свой путь, пока не вышел на горную поляну. Вокруг костра сидели чабаны и кипятили чай. В нос Сани сразу ударили запахи крепкого чая и табака. Кавказская овчарка, лежавшая у костра, подняла голову, принялась, лениво встала и поплыла в сторону разведчика.

Саня, чертыхаясь, встал на ноги и быстренько ретировался. Встретиться нос к носу с охранником овечьих отар не входило в его планы.

– Ну, рассказывай, военный, чего ночью видел или слышал, – Макеев расположился на кресле, сделанном из зелёных армейских ящиков из-под гранатомётных выстрелов.

– Ничего особенного, Иваныч, чабан сегодня ночью попутешествовал слегка.

– А чего-нибудь необычного не заметил в его путешествии?

– Проводил его до лугов, посмотрел на жизнь простых чабанов, потом, правда, с собачкой в прятки пришлось поиграть, но сыпнул на тропу

табаку, она интерес ко мне потеряла. Потом ещё с часок понаблюдал и до дому. Через час рассвело.

– Ну, так. Чего сказать тебе, Саня, быстро только кошки родятся. Продолжай наблюдение. С твоим разложением денька три подождём. Можешь отдыхать.

Саня вышел из штабной палатки и отправился к своему другу Серёге Колесниченко.

Пункт временной дислокации жил своей жизнью: взвод Карташова отрабатывал вводную – подъём по тревоге и выдвигание на позиции в случае нападения на ПВД или обстрела.

Дымила походная кухня, бойцы, переговариваясь, шли за водой, часовые вглядывались в окрестности, а около палаток нахально паслась местная корова.

– Здоров, Серёга, – Старков присел рядом со старшиной.

– И тебе не хворать, – тот невозмутимо чистил картошку, пряча в уголке рта беломорину.

– Ничего не слышать в нашем дворе и его окрестностях?

– Пока вроде бог милует, – Колесниченко понизил голос, – насчёт задания твоего, Саня – откровенных боевиков в селе нет. Все в горах. Приходили зимовать, да как солнышко пригрело – опять воевать отправились. Мадина, это которая нам хлеб печёт, и вправду вдова ваххабитская, но она, на мой взгляд, на такие штуки не способна, жидковата...

– Думаешь?

– Я их знаешь сколько повидал, думаю, не она это. Дальше чабаны, отары у них большие, люди в селе по горским меркам не бедные. Тут не до баловства, овцы – продукт стратегический, можно сказать единственно жизненно важный. Земля здесь никудышная, в огородах, сам видел, – айва да дыни иногда. Остаётся наш глава поселения, чайханщик и малый один – он вроде как пришибленный слегка. Во время первой войны ещё контузило его прилично, вот крышу у него и сносит время от времени.

– Это как?

– Да, говорят, находит на него: может в горы убежать – его потом с фонарями ищут, то орать начнёт – сутками напролёт. Для него родные клетку деревянную соорудили. Вот и сажают его под замок иногда – а он орёт, как потерпевший, да прутья от клетки грызёт.

– Понял, старшина. Спасибо тебе. Присмотрюсь. Может, упустил кого?

– Может, и упустил, Сань. Народу вроде в селе не так уж и много. Понаблюдаю ещё – приходят людишки: кому инструмент напрокат нужен, кто молоко на сахар меняет. Попытаю...

– А народ-то к нам как, ну, настроен вообще?

– Да по-разному: но откровенно никто власть не хает, осторожничают, да и открыто нас приветствовать побаиваются. Хотя в одном все сходится – при нас порядка и закона побольше. Горцы народ справедливый.

Саня Старков второй день «разлагался» в чайхане. Расположившись на циновке, он заказывал себе чай, время от времени подливая в пиалу пойло, доставая бутылку из-за пазухи. Спирта в ней было немного, в основном вода, но разило сивухой за километр.

Чайханщик Ваит вначале только морщился: в чайхану люди в первый день вообще не заходили. Косились недовольно на русского пьяницу и, перекинувшись парой фраз с хозяином, уходили.

На второй день Ваит нашёл компромисс, с русскими ссориться было не в его планах, заходили они часто и заказывали много. Чайханщик перенёс Санину циновку в дальний угол, была бы его воля – отгородил бы это место частоколом, но и этого хватило. Местные вернулись. Садились за чаепитие, разговаривали, смеялись, но потом перестали обращать на Саню внимание – только морщились от запаха спиртного.

Саня в разговоры не лез, да и разговаривать с ним никто не стал бы. Пользы от его сидения пока не было никакой. Разговоры были о погоде, о дождях, о заболевшей корове, об урожае айвы – короче полный порожняк.

– Ваит-джан, налей ещё чайку, пожалуйста, – Саня приоткрыл сначала правый, потом левый глаз.

Чайханщик уже нёс ему пузатый чайник, затем ловко убрав со стола пустой, поставил перед ним новый.

– Зачем пьёшь, Саня?

– Так жизнь такая Ваит, не мы такие. Что ж ещё тут делать, скука.

– Может, тебе манты или шашлык? А то не кушаешь совсем, только пьёшь водку свою, – Ваит поморщился. – Одна женщина спрашивала уже – что этот русский тут водку пьёт, у него дома что, не продаётся?

– Насмешила... конечно, продаётся. Нет, есть не хочу совсем.

– Ты хороший воин, Саня, хороший джигит. Зачем пьёшь только, не пойму.

– Да я и сам не знаю.

– Ты перестань, Саня. Надо домой вернуться, а пить будешь – горы этого не любят. Останешься здесь. Навсегда останешься.

– Может, ты и прав, Ваит. Буду помаленьку прекращать.

– Вот и молодец, – Ваит довольно улыбнувшись, уже отходил от него.

Старков, постучавшись о деревянную стойку, стоял на пороге командирской палатки.

– А, заходи, Саня. Похмелить?

– Хотя ты не подкалывай, командир, – Саня, откинув полог, зашёл и сел напротив Макеева.

Тот разглядывал карту, иногда, делая на ней пометки красным карандашом.

– Ну, рассказывай, – командир отодвинул карту и ловко закинул карандаш в гранёный стакан.

– От чайханы пока результатов никаких, правильно ты говорил: местные народ осторожный и внимательный. Информации больше от Колесниченко, он слово заветное знает, наверное. Ему горцы душу готовы раскрыть.

– А ночные вылазки, как?

– Прошерстил окрестности вдоль и поперёк. Результата пока ноль.

– Ну, этого и следовало ожидать. Волк этот осторожный. Он после каждой вылазки затаиться должен. Это мне и предыдущий командир говорил. Хитрый и очень осторожный противник. Ты продолжай поиск, Саня. Не останавливайся, снайпер как работает – знаешь?

– Знаю, командир. Сутками цель высиживает.

– То-то и оно, капитан. А тут цель сложная, неделями вокруг неё ходить надо, а может, и месяцами. Но ты тоже не пальцем деланный. Мне про твою службу в Таджикистане кое-что тоже поведали. Занимайся, Саня.

Ночью Саня устроил лѣжку под огромным раскидистым дубом. Тот стоял на сопке и окрестности просматривались очень хорошо с трёх сторон, с четвёртой мешала зелѣнка.

Пока село ещё не уснуло, Старков решил пораскинуть мозгами. Иногда это очень полезно, всем давно известно.

Он опять взял в руки прутик и уселся спиной к стволу дерева.

«Ага, так и запишем: чайханщик Ваит – фигура в селе известная, днём он всё время на виду, человек уважаемый. В чайхане ему помогают два сына-подростка и старуха. Свой дом, довольно неплохой, недалеко от рабочего места, значит. Продукты для чайханы привозит ему старик на мотоцикле с коляской, два раза в неделю привозит. А вот ночью, что делает чайханщик ночью? Хотя если весь день, как белка в колесе, крутишься – какие ночью приключения? Ночью спать надо!»

Саня отломил от прута веточку и положил на землю.

«Номер два – сумасшедший Лом-Али. А может, он только прикидывается умалишённым? Сделает дело и орать как резаный начинает? Хотя так светиться настоящий волк не стал бы... ну, так или иначе, со счетов его сбрасывать пока не будем...»

Опять обломил веточку, положил рядом с первой.

«Номер три – глава поселения. Скорее нет, чем да, – в разъездах всё время, опять же на виду. Кто-нибудь что-нибудь увидел или услышал бы. Да и предыдущая смена хороводила тут по этому призраку, если только сообщник или один из сообщников...»

Третья веточка легла на поляну, рядом с двумя предыдущими. А прут полетел через левое плечо.

Со стороны села потянуло дымом. Он вначале поднимался вверх, а затем рассеивался от дуновения прохладного ветерка и стелился по траве.

«Кизяком топят», – Саня шмыгнул носом.

Над горами взошла луна, круглая и жѣлтая, как апельсин, – какие бывают только в детстве.

Капитан взялся за цевьѣ автомата, чтобы переложить его поудобнее, и вдруг почувствовал, как по телу побежали мурашки. В воздухе повисло напряжение, и даже звуки на секунду затихли. С той самой, непросматриваемой, стороны зелѣнки что-то уже происходило, но что – этого Саня пока не понял. Он на долю секунды замер, и тут же ему в нос ударил резкий и неприятный запах то ли слежавшейся шерсти, то ли псины. Капитан поднял глаза и оцепенел. Слева метрах в трёх в лунном свете стояли два волка, стояли и спокойно рассматривали Саню в упор. Появились они бесшумно, как будто выросли испод земли. Один – крупный лобастый вожак, чёрного окраса, и поменьше – серый, с подпалинами, матѣрый.

Глаза волков светились в полумраке, как горящие угольки.

«Сколько раз по следам вашим ходил, а увидеть вот так – впервые довелось, – промелькнуло в голове, – вот он, Чѣрный Волк. Да только не два их, минимум с десятков – остальные в засаде, команды ждут».

Саня, не торопясь, перевѣл руку с цевья автомата на спуск, а второй рукой медленно достал из разгрузки армейский нож с костяной ручкой.

– Я для вас трудная добыча, братцы, – шѣпотом произнёс он, – неровѣн час троих из ваших положу...

Серый волк поскулил чуть слышно ему в ответ. Но чёрный стоял, как изваяние, глядя в глаза. Саня поѣжился, но взгляда не отвѣл – нельзя. Видно было, что животным неприятны запахи: ружейного масла, стали,

прокопченного на кострах камуфляжа. Они переминались с лапы на лапу, видимо, думая – нападать или нет.

Волки исчезли так же мгновенно, как и появились. Сане даже вначале подумалось: а не показалось ли всё это, может, и его заморочило, как сержанта Разова. Но сколько он ни таращил глаза в разные стороны, сколько ни смотрел в ночник – волков и след простыл. И следов не отыскал – тропа каменистая.

– Вот и славно, всё правильно сделали, парни, – сказал Саня в темноту и сам удивился, насколько чужим показался ему свой голос.

Несколько часов просидел Саня, прислонившись спиной к дубу, отходя от произошедшего. И только прохладный ветер с гор да ещё рассвет привели его в чувство. Спать не хотелось совсем: ещё вечером он применил старый армейский метод – ложка растворимого кофе с глотком чистого спирта. Сон отбивает напрочь, и глаза как два фонаря, только под утро голова кружится и тошнит слегка.

Но не зря говорят на Руси, пришла беда – отворяй ворота. Хотя беды никакой не приключилось, но могла. Могла.

На рассвете Саня скатал снайперский коврик, проверил разгрузку, пару раз зевнул и осторожно двинулся в лагерь.

На тропинке, которая была уже на подходе к кишлаку, – его больно укололо в сердце. Стоп, боец. Саня присел на корточки, отсоединил от «калаша» шомпол – несколько раз ткнул в землю вокруг, чисто. Затем приподнял траву слева, справа. Входящее солнце ослепило глаза, и на долю секунды в полуметре впереди на тропе что-то ярко вспыхнуло и пропало. Саня гусиным шагом преодолел это расстояние и ножом поддел зелёную проволоку. Натянута – у самой земли, припорошена грунтом. По ниточке, по ниточке... Вот она, растяжка. На меня? А на кого же ещё? На меня. Выследил волчара, а может ему те – ночные – шепнули.

Вж-ж-ж, вж-ж-ж, чпок, чпок. Саня успел только свалиться – куда-то вправо. Над ухом прожужжала пуля. Он перекатился с места, в которое упал, схватил автомат и прицелился. Только вот куда стрелять? Саня зорко, очень внимательно огляделся. Вон там впереди, метрах в десяти, качнулась ветка. Вот ты где, Кара Борз. Обойду-ка я тебя слева. Саня аккуратно выдвинулся по-пластунски. И, рывком поднявшись, кинулся к месту засады. Такой прыти призрак от него не ожидал, на долю секунды показался. Мелькнул впереди и сразу пропал.

Саня преследовал его, пригибаясь к земле, где-то замирая, где-то прячась за деревья и пригорки.

«Невысокого роста, очень подвижный, юркий, можно сказать. В маскхалате зелёного цвета – наш армейский. Местность знает отлично, двигается уверенно, где-то семенит. Где-то перепрыгивает препятствия, как кошка. Пацан? Похоже, что подросток или девушка. Та – Мадина, которая хлеб печёт высокая, стройная. А этот – вьюн вьюном. Всё, потерял я его. Сейчас отдышусь. Прочешу лес».

Саня дышал и не мог насытиться, как тогда в Таджикистане. Впереди послышался треск веток. Саня спрятался за кустом и навёл автомат на звук. По тропе, еле-еле передвигая ноги, тащилась старуха. На горбе у неё помещалась огромная вязанка хвороста. Бабка шла прямо на Саню. Саня оглядел её с ног до головы. Чёрный платок, чёрное платье с длинным рукавом, юбка в пол, на ногах калоши. Она опиралась на палку, кряхтела и стонала. Тяжеловат груз для тебя, бабушка. Глаза полузакрыты, губы плотно сжаты, орлиный нос, бровей почти нет –

да и немудрено, лет-то, наверное, под сто. Слева под глазом небольшой, но заметный шрам. Бабка остановилась в нескольких саженях от Сани, горестно вздохнула, вытерла рукавом солёный пот, и поплелась дальше. Она прошла в паре метров от капитана, не заметив его в густом кустарнике.

«Всё, охота закончена. Всю масть ты мне перебила, мать. Светить-ся нельзя, хоть и старая бабка, но горянка – внимательная. Запомнить может».

Саня посидел ещё минут двадцать и выдвинулся к месту засады.

«Вот здесь я сидел на корточках. Стреляли по мне оттуда. Ага. По ниточке... “Эфка” у корней дерева, грамотно поставлена. Кабы не солнышко, вовек не заметить. На колечке гранаты клочок шерсти, даже в косичку заплетён, – не поленился диверсант, так хотелось марку поддержать».

Саня снял косичку, понюхал: слабый запах слежалой псины. Волчья.

«Теперь вернёмся назад. Пули, стало быть, полетели в ту сторону. Поищем, вдруг как повезёт?»

Саня обходил местность, внимательно разглядывая каждое дерево, каждую ветку. Есть. Вот они, девять граммов.

У одного из платанов пуля зацепила самый краешек да и застряла в коре. Саня выковырнул пулю ножом. Подержал на ладошке, разглядывая, подкинул вверх, поймал, улыбнулся и двинулся в лагерь.

– Выследил волка, молодец, капитан, – командир отряда Макеев рассматривал пулю со всех сторон.

– Нет, Константин Иванович, он меня выследил. Засаду на меня устроил.

– Ты её на зуб ещё попробуй, командир, – врач отряда Корнев тоже внимательно рассматривал пулю.

– Калибр 9 на 39. ВСК – войсковой снайперский комплекс. Наше оружие – спецназовское, – Старков доставал сигарету из пачки.

– Думаешь? – поднял на него глаза Макеев.

– Не думаю, знаю, командир. Стрелял бесшумно, с глушителем.

– Дневальный! – командир откинул полог палатки. – Ну-ка, бери журнал ориентировок и ко мне.

В палатку вбежал боец с выдавшей вида конторской книгой.

– Здесь я, товарищ полковник.

– Молодец. Ищи сводки за апрель этого года. Давай-давай, шевелись. Десятого или четырнадцатого числа. Нашёл? Читай.

Дневальный встал по стойке смирно и нараспев, как стихотворение, прочитал:

– Четырнадцатого апреля в 10.02 у села Кара-Юрт было совершено нападение на машину УАЗ военной комендатуры...

– Дальше, вон там на третьей строке, – нетерпеливо перебил его Макеев.

– Где? А-а-а, здесь. Похищены два автомата АК-47 и одна винтовка ВСК. Прокуратурой заведено уголовное дело по статье «терроризм» номер...

– Всё. Хорош. Свободен.

– Есть, – козырнул дневальный и вразвалку вышел из штабной палатки.

– Наш Чёрный Волк. ВСК у комендачей повзаимствовал...

– Я ж и говорю, – затянулся сигаретой Старков.

– Каков из себя?

– Маленький, юркий. Бегаёт быстро – не угнаться. Не мужчина – либо подросток, либо девчонка. Местный – это точно. В зелёном маскхалате.

– Бегаёт хорошо, стреляет плохо, – задумчиво протянул врач, вертя в руках пулю.

– Выходит так, Андреич!

– Лица не заметил? – командир поднял глаза на Старкова.

– Нет. Всё время со спины его видел. На голове капюшон.

– Да-а. Задал ты, капитан, задачку. Девчѐ-о-о-нка... Ну ладно, мы тут по-своему поищем. А ты Колесниченко ещё задачу поставь – пусть поспрашивает местных, и в поиск каждую ночь. Давай, Саня, время выходит.

– Есть, командир, – Саня затушил сигарету о каблук берца и вышел на воздух.

Серѐга Колесниченко, как всегда, занимался своим любимым делом – чистил картошку и покуривал. Это, по его словам, как-то успокаивало нервную систему.

– Ого, какие люди, салам, Саня, – старшина приветливо улыбался, – сидай рядышком.

– Здорово, братское сердце, – Старков присел, – давай сигаретку.

Колесниченко вытащил из кармана смятую пачку сигарет.

– Это – последние, Сань, – не привезли. В горах камнепад сошёл, дорогу к нам отрезало. С МЧС сказали – только через пару недель расчистят.

– Эге, и чего же делать нашему курящему брату?

– Табаку тебе отсыплю. Козью ножку умеешь крутить или научить тебя?

– Умею, а бумагой где разжиться?

– Вон смотри – рядом с полевой кухней стопка газет, местные принесли. Бери, сколько хочешь, закончатся – приходи ещё. У меня этого старья навалом.

– Спасибо, Серѐга, – Саня засовывал в карман разгрузки пакет с махоркой, – я задачку поставить тебе хотел – поспрошай местных насчёт пацанѐнка или девчонки бойкой. Видел я сегодня утром призрака этого. На чёрного волка никак не тянет, скорее волчонок. Но бегаёт по лесу – лося обгоняет.

– Хорошо. Не вопрос.

Саня поднялся, чтобы уйти, но почувствовал – недоговаривает чего-то старшина.

– Что-то случилось, Серый?

– Да я тебя, Саня, уже неделю спросить хочу, да всё недосуг как-то, – Колесниченко смотрел в сторону.

Старков снова сел рядом.

– Ну, спрашивай, коли хочешь.

– Говорят: ты за два месяца перед командировкой развѐлся...

– А, вон ты о чём. И что ещё говорят?

– Да видел я твою бывшую пару раз – ничего вроде баба...

– В том-то и дело, что ничего – пустое место, фальшивка.

– Не жалко тебе? Всё ж столько лет вместе...

– Серѐг, самый короткий путь – это путь правды. Как можно жалеть о человеке, который льѐт лживые слѐзы при расставании, пишет лживые письма, составляет лживые дневники, радуется, поѐт тебе песни под гитару – и всё это оказывается блефом? Всё нормально, ни о чём не жалею.

– Как-то невесело ты это говоришь.

– Старшина, ты о сроке давности что-нибудь слышал?

– Ну, мы же с тобой в милиции служим, юристы какие-никакие, конечно, слышал. Знаю, что это такое...

– У каждого преступления, Серый, есть срок давности. У каждого, даже у убийства. Одного только люди никогда не могут простить. Предательства. Видимо, считается, что предать человека или людей, которые тебе доверяют, – самое страшное и подлое. У предательства срока давности нет...

– Всё правильно, Саня, – старшина поморщился, – да я что, Полина Ивановна моя письмо мне прислала из дома, две недели назад ещё. Пишет: видела Санину бывшую, переживает, мол, баба, ты там поспрошай его, может, поостыл малый. А теперь вижу, всё правильно: предателей надо вычёркивать – из памяти, из сердца, из жизни – безжалостно. Всё, закрыли тему. А насчёт пацанёнка я поспрошаю. Сделаю в лучшем виде.

Этой ночью было совсем темно. Луна спряталась за чёрные тучи. Саня посмотрел на небо – тучи по ходу беременные, поутру дождичек брызнет. Хотя как в горах может «брызнуть» дождик, он знал не понаслышке.

«Ну и хорошо, что луны нет, – подумал капитан, – в ночник наблюдать удобнее». И он достал из разгрузки старый добрый «Ворон».

Правда, понаблюдать за селом и обходными тропами не пришлось. Совсем рядом, метрах в пятидесяти, он услышал сначала рык, потом волчий вой, а затем и вовсе леденящий душу крик.

Быстро собрав боеприпасы, взяв, наизготовку, оружие, тихо двинулся на звук.

Осторожно приблизившись, он посмотрел в прореху забора из старых деревянных слег. В глубине двора стояла большая деревянная клетка, усиленная стальными прутьями. В клетке метался человек. Он то приседал, то подпрыгивал, ударяя головой в потолок, то вертелся волчком. Саня посмотрел на него через ночник: человек сел на корточки, поднял голову вверх и завыл по-волчьи. И столько боли и муки было в этом вое, что у Сани пробежали мурашки по спине. А через прибор ночного видения глаза человека сверкнули, как тогда у волка, – раскалёнными угольками.

«Да, в таком состоянии не до диверсий. Вдруг в самый ненужный момент клеммы переключит. И ведь он меня не видел. Спектакль играть не перед кем – зритель отсутствует. Скорее всего, и как на сообщника призраку на него положиться невозможно. Разве я бы взял такого в напарники? Никогда».

В горах откликнулось несколько голосов. Волки выли, приветствуя друг друга. В селе залаяли собаки, заскрипели, открываясь и закрываясь, двери. Пора было сворачиваться. При таком шухере засаду не сделать.

Саня сидел у буржуйки, скручивая козью ножку. Рядом лежала стопка старых пожелтевших газет. Их безжалостно кромсала и рвала уверенная омоновская рука, дровишки попались сырые да сучковатые. Благо бумаги на растопку хоть отбавляй. Со вчерашнего утра шёл мелкий морозящий дождь. Теперь может на неделю зарядить.

«Спортивный вестник Кавказа». Ну что же, почитаем. Таблицы союзного ещё чемпионата по футболу. Ого, «Заря» (Ворошиловград) – и такая

команда тогда была. И вверху таблицы – хорошо играли, наверное. «Динамо» (Тбилиси), ереванский «Арагат». Саня перебирал стопки газет, иногда прочитывая передовицы, иногда просто бросая газеты в топку.

И вдруг тревога пробежала по его телу, пробежала и занозой засела в мозгу. Как будто только что он пропустил что-то очень важное. Саня лихорадочно стал пересматривать прочитанные уже газеты, искал глазами старые таблицы и статьи.

С одной из страниц на него смотрела молодая красивая горянка. «Гордость республики – Аминат Адиева. Мастер спорта СССР по спортивному ориентированию, призёр молодёжного чемпионата Советского Союза». Ну и что? Саня перевернул газету – 21 мая 1971 года. Так это же было при царе Горохе, когда людей было трохи.

Нет, где-то он уже видел это лицо. Миндалевидные глаза, чёрные брови дугой, орлиный нос, плотно сжатые губы. Слева под глазом небольшой, но заметный шрам.

– Серёга, – Саня быстро зашёл в палатку взвода обеспечения.

Колесниченко резко вскочил на деревянных нарах, больно ударившись головой о деревянную слегу.

– Блин, Саня, чего стряслось-то? Пожар, что ли?

– Вспоминай: бабка старая – глаза серые, нос орлиный, рост примерно метр шестьдесят. Зовут Аминат. Знаешь такую?

– Ну, знаю. Приходила пару раз, козу искала. Живёт в крайнем доме на окраине аула, одинокая, неразговорчивая. Да ты куда?

Но Саня быстро выбежал из палатки.

– Малахольный, далась ему эта старуха, – старшина потирал рукой ушибленную голову.

Капитан Старков положил газету на стол перед командиром.

– Это она.

Полковник Макеев отложил в сторону карту и недоумённо смотрел на Старкова.

– Она – призрак.

– Понял. Быстро и по делу.

– Тогда утром в лесу я за призраком гонялся. А встретил её. Она и есть – Кара Борз. Притворилась, правда, старой и дряхлой, но с ней наперегонки побегать – ушатает вусмерть.

Макеев глазами пробежал статью.

– Дневальный! – в палатку ввалился старшина Разов. – А, это ты, боец. Командуй – в ружьё. Сейчас поквитаемся мы с твоим призраком. Только это, Разов, без шума, толкотни и суеты. Понял?

– Есть, товарищ полковник, – и сержант исчез, взмахнув палаточной полой.

Отделение омовцев взяло дом на окраине села в плотное кольцо.

– Товарищ полковник, можно, я её сам возьму? Две с половиной недели по её следам ходил, – Старков с надеждой смотрел на командира.

– Ладно, давай, Саня, как учили. На рожон не лезь, если бабка отстреливаться начнёт – сразу назад. Мы её дом гранатами закидаем. А то мороки потом – вези её в комендатуру, в прокуратуру. Да ещё в доме ничего как не найдём – доказывай потом. Вдруг она всю приبلуду в лесу прячет! Понятно, капитан?

– Понятно, Константин Иванович. Она хоть и осторожная, да только я ей как снег на голову свалюсь. Неожиданно.

– Ну, давай-давай, действуй, много текста.

К дому Саня подполз по-пластунски. Краешком глаза глянул в окно. Занавески плотно зашторены, но в глубине виден свет. Старков аккуратно продвинулся к двери, ни замка, ни засовов на ней не было.

Дверь открылась без скрипа. Саня перенёс через порог сначала одну, потом другую ногу. Посидел в сенях, отдышался, постарался успокоить колотящееся сердце. И, аккуратно открыв вторую дверь, сделал кувырок внутрь. В доме было тихо, только тикали на стене старые ходики. На столе стояла керосиновая лампа, лежала газета, на ней очки и связка волчьих зубов на нитке. Саня перевёл взгляд направо. Рядом с тахтой лежали на полу две противотанковые мины, на них пирамидкой высилась американская противопехотка «Клэймор» и подмигивала ему-то зелёным, то красным глазком.

«На движуху сработает. Не успею», – пронеслось в голове у Сани.

Последнее, что он увидел, – это что мины были старыми и ржавыми, и ещё мамины глаза. А потом сверкнула молния и тишина.

Взрыв внизу в селе ухнул неожиданно. Гордость республики Аминат Адиева – мастер спорта СССР по спортивному ориентированию, повернув голову, посмотрела с горы вниз. Над селом клубились чёрные разводы дыма. Лицо её, прочерченное морщинами, не выражало ничего: ни радости, ни сожаления, ни печали. На запястье из стороны в сторону болтались чётки из волчьих клыков.

Она поправила лямки армейского рюкзака и уверенной походкой зашагала вверх по горной узкой тропе.